

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия, архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ**

Что значит быть «действующим» христианином?

Почему для нас должно быть важным понимание того, что Евхаристия вошла в практику церковной жизни прежде, чем была написана первая строчка Нового Завета? Чем жизнь христианина похожа на обучение ремеслу каменщика или автомеханика? Об этом рассуждает отец Андрей Стивен Демик, священник храма святого Павла (Эммаус, Пенсильвания, США).

Мой отец был автомехаником. И всем тонкостям этой профессии он учился, работая с машинами. Работу свою он любил. Возвращался вечерами домой и рассказывал, что сегодня он смог починить, как он такую-то поломку устранил и т.д. Я восхищался им.

Стэнли Хауэрвас, известный американский богослов, рассказывает похожие истории о своем отце – тот был каменщиком.

Каменщик учится своему ремеслу, работая в паре с другим каменщиком. Он учится и учится класть кирпичи – до тех пор, пока сам не станет мастером в этом деле.

И этот путь приобретения практических навыков стар, как мир. Мы приобретаем какие-то навыки, именно делая что-то, делая руками. И в процессе приобретения этих навыков мы не только учимся тому, как что-то починить, например, или как правильно класть кирпичи. Тот же каменщик, учась ремеслу, и думать начинает, как каменщик. Он из практики вынес знание, откуда лучше начинать кладку, как избежать «косяков», как класть кирпичи ровно.

Хороший автомеханик тоже на практике учится понимать машины, их устройство. Мой дед тоже был автомехаником. И он на слух понимал, что не так в работе двигателя – даже в последние свои годы, когда он ослеп.

Этому можно научиться только на практи-

ке. И то, что мы делаем на практике, делает нас теми, кто мы есть.

Хауэрвас писал в своих знаменитых книгах именно о «практиках», рождающих добродетель. Ведь нельзя стать добродетельным, просто желая этого. Как описывал этот процесс апостол Павел: «... Зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда» (Рим. 5:3-4).

Именно так обстоит дело и с христианством. Это не некий набор догм и верований, это совокупность того, что мы делаем для того, чтобы быть христианами.

Великодушный поступок. Всенощные бдения. Посты. Умение прощать врагов. Покаяние. Всё это отнюдь не некие умственные принципы – это действия, которые должны войти в привычку, которые нужно постоянно практиковать.

Христос не был автором Нового Завета. Эти тексты были написаны в течение пятидесяти лет; первый из них, вероятно, был написан только лет через пятнадцать после Его воскресения.

Но Христос в последние дни своего земного служения даровал нам жизненно важную практику, практическое действие – Евхаристию, Святое Причастие. И именно это литургическое действие вошло в практику церковной жизни еще до того, как была написана

первая строчка Нового Завета. И это не только означенное Его смерти и Его воскресения – Причастие на деле раскрывает смысл Его смерти, смысл Его воскресения. Новый праздник, Пасха, обозначил смысл смерти и воскресения Христа.

Евхаристия – это столп, точка опоры всего христианского вероучения. И именно в Новом Завете впервые дается толкование того, что есть Божественная Литургия, во время которой и совершается Таинство Евхаристии.

А без этих исторически сложившихся, передаваемых из поколения в поколение литургических действий христианство начинает меняться. Не-евхаристическая природа современного христианства не только нарушает то, что заповедал сам Христос, но и предает забвению традиционную, ставшую основой всех других, церковную практику. А ведь в православии всё вероучение имеет практическое выражение. На Вселенских Соборах принимались отнюдь не некие сугубо бюрократические решения, Соборы проводились не только для того, чтобы записать и законодательно закрепить догматы Церкви. Каждое решение, принятое на Соборах, имело практическое значение – как нам молиться. И каждое правило веры находило свое выражение в тщательно продуманном ходе Литургии.

Таковыми основополагающими доктринами, как учение о Святой Троице, сегодня пренебрегают, заменяя их модернистским «просто Христос». И это происходит не по чьему-то злему умыслу и не под влиянием бунтарского духа. Это совершенно естественные последствия того, что христианство утрачивает свое практическое выражение.

Я писал как-то в другой статье, что Богородичные праздники крайне важны для понимания христианского вероучения. Как проповедовать, как правильно понимать Вочеловечение Христа без понимания сути Богородичных праздников?

Но всё это и в самом православии сегодня не вполне сохранно. Нет, конечно, ни одна из фундаментальных христианских традиций, «практик», не подвергается критике. Нет – ими просто пренебрегают. Я время от времени узнаю, что в таком-то приходе не отмечают даже престольные праздники. И немудрено, что и священники думают: «Какой смысл хлопотать о празднике, если всё равно никто не собирается прийти?». А приходят всего не-

сколько человек потому, что многие православные сегодня «болеют» культурным протестантизмом, пренебрегая христианскими традициями.

И это тоже произошло не по злему умыслу. Просто такова наша сегодняшняя культура. Всё, что нас окружает – это памятники секуляризированной культуре. Сама городская архитектура такова. Нам не нужно ломать голову над тем, где бы поселиться – так, чтобы церковь была рядом с нашим домом. Зачем, если ходишь туда раз в неделю? Первостепенное значение для нас имеет, есть ли рядом с домом школа, парк, магазины, а о том, далеко ли ближайшая церковь – об этом мы зачастую задумываемся в последнюю очередь.

Не так давно было много разговоров и обсуждений т.н. «варианта Бенедикта». Святой Бенедикт юношей был отправлен в Рим на учебу, но, не закончив ее, сбежал от столичной суеты и поселился в местечке в горах. По прошествии некоторого времени Бенедикт понял, что хочет стать отшельником. Он стал жить в пещере. За те три года, что Бенедикт прожил в пещере, он закалился и физически и духовно.

Но жить за городом – это вовсе не «вариант Бенедикта». Загородная жизнь воплощает собой всё, что секуляризирует и маргинализирует христианство. Ведь как было когда-то? Люди жили в традиционной христианской общине, деревне. И их день начинался с молитвы. Человек слышал, как бьют колокола. И весь его дневной цикл практической деятельности находился в полном соответствии с дневным циклом жизни местной церкви. Вся жизнь была построена в соответствии с церковным календарем. Бытовые и церковные традиции были составляющими одного целого.

И всё, что от этого осталось – это, например, прийти в церковь, чтобы освятить виноград на праздник Преображения Господня или мед на первый медовый Спас. Добрые, но чуждые нам, разобщенным и забывшим традиции, практические выражения принадлежности к христианству.

Примечательно, что мы понимаем, что весь этот американский «загородный стиль жизни» – самый неэкономный и вредный для окружающей среды способ организовать свою жизнь, когда-либо существовавший на земле. Со временем мода на него пройдет.

А пока – пока мы должны помнить и восстанавливать нашу человеческую природу, насколько это только возможно. Для тех христиан, кто еще помнит, что есть полнота человеческой жизни во Христе, это значит восстанавливать как можно больше практических

выражений своей веры. Задумайтесь – готовы ли вы жить как «действующий» христианин? Это может стоить вам лишения привычного образа жизни.

Священник Андрей Стивен Демик

Как перестать грешить и почему важно ничего не делать

О том, как трудно и насколько важно услышать что-то новое в давно знакомом тексте, о готовности впустить Бога в свою обычную повседневную жизнь и странном поведении Марии, позволившей себе быть, а не суетиться.

В богородичные праздники читается Евангелие от Луки (Лк.10:38-42) о том, как Господь приходит в дом к Марфе и Марии, – такой привычный и знакомый отрывок, что знаешь его уже почти наизусть. И от этого как-то он уже давно не трогает сердце, ведь и так всё понятно же. Слышишь одну строчку и уже знаешь, какими будут следующие слова. И что Мария «благую часть избра», тоже давно известно.

Некоторые авторы, например библеист Илья Яковлевич Гриц, призывают читать Писание с распахнутым взглядом, как будто первый раз, с удивлением и попыткой расслышать, что именно сейчас отзывается. Читать медленно, вслушиваясь в каждое слово, размышляя, может быть, над каким-то стихом или даже одним словом, которое сегодня услышалось как особенно важное. Владыка Антоний Сурожский много об этом говорит. Эх, непростая задача – услышать что-то новое в таком старом и знакомом тексте.

Иисус в моей квартире?

«В то время вошел Иисус в одно селение». Вошел. Пришел Сам. Его, может быть, и не знали и не звали, как это нередко бывало, но Он приходит Сам. И приходит не только для красивой проповеди перед тысячами слушателей, а входит в быт, в обычную повседневную жизнь людей и просто поселяется (*например, Мф.4:13*) с ними – живет в одном доме, ест за одним столом.

Если я вроде как верю, что Бог всегда рядом дом, могу ли я допустить, чтобы Иисус пришел в мой район и в мой дом? Если бы я была жительницей тех селений, какой была бы моя реакция на известие, что Он пришел в нашу

деревню? Не знаю, как вы, а мне кажется, я первым делом бы растерялась и испугалась. И тогда вопрос, всё ли в порядке в моих отношениях с Богом, если я Его, как выясняется, первым делом боюсь. Конечно, мне было бы и дико интересно, и захотелось бы побежать на Него посмотреть, и, может быть, дотронуться (*привет апостолу Фоме*), а то глазам своим не верю. Но что дальше?

«Марфа приняла Его в дом свой». Кто-то Его не принял. Не всякого человека мы легко приглашаем в гости, впускаем в свое интимное пространство – в свой дом. Дом – место, где ты можешь быть собой, где не надо соблюдать приличия, где можно расслабиться, ходить в мятом халате, реветь или ругаться, хохотать до колик в животе или надуться и молчать. Не случайно мы нередко бываем очень приличными людьми с коллегами или друзьями, в обществе, на людях, и совершенно дикими и порой трудно выносимыми для близких у себя дома. Дома можно уже без купюр, как на душу легло. Конечно, дома бывают разные и всякие могут быть домашние традиции, но в целом всё же дома мы без корсета и макияжа.

Марфа приняла Его в дом свой, впустила. Ей не удалось расслабиться, она много суетится, старается для гостей, но она Его приняла. Интересно, вот если честно, а я готова была бы впустить Христа в свой дом, в свою хрущевскую квартиру? Пустить Его так близко? Пустить туда, где я не очень-то хороша и не всегда прилична? Быть с Ним не только когда я благочестиво стою в храме, то есть прихожу к Нему в Его дом, а когда я бываю злой и уставшей и мне ни до чего... Хотела бы я, чтобы Он жил со мной под одним потолком каждый

день? Каково бы мне это было?

Не знаю, как вы, а я, похоже, не могу сказать уверенное «да». И это страшно. И чего тогда удивляться, что Бога в моей жизни так мало, если я сама не готова до конца впустить Его в свою жизнь? А с другой стороны, мне кажется, что если бы это было возможно, вот так просто жить с Иисусом вместе, ездить с Ним в набитом метро, ходить на работу, готовить еду, делать уборку и еще много чего делать вместе – всё время с Ним – то тогда и грешить было бы уже как-то некстати.

Злишься на толпу в метро, а рядом Иисус – и как-то всё сразу меняется. Достали тебя коллеги, а рядом Он – и это стало уже так неважно. Хочешь осудить соседку, а посмотришь на Него, как Он с тобой рядом и тоже смотрит на эту жуткую соседку с такой беспредельной любовью и к ней и ко мне, как ни странно, что уже не до осуждения становится. И это не волевое усилие, потому что, мол, я решил больше никого не осуждать, которое, как известно, ни к чему не приводит. Это сущностное изменение, преобразование изнутри, потому что рядом – Он Сам. Не об этом ли писали Святые Отцы, когда говорили о памяти Божией непрестанной?

В отличие от меня, Марфа и Мария пустили Его к себе. И Марфа хлопочет, старается о большом угощении – как это понятно! Наверняка кто-то из нас повел бы себя так же. Но долго так не продержишься. Если пришли гости и ты вокруг них прыгаешь, то на сколько дней тебя хватит? На то они и гости... А если кто-то пришел надолго и теперь живет с тобой в доме? Рано или поздно он увидит тебя таким, какой ты есть, когда ты уже не стараешься угодить и предстаешь в своей распрямленности, как есть. Иисус жил в каких-то домах, то есть был не просто гостем на день-два. Ел и спал под одной крышей. Каково было тем людям? Каково было бы мне?

Кто я без суеты?

В современном русском переводе РБО 40-й стих звучит так: *«Марфа же была вся в хлопотах о большом угощении...»*. «Была вся в» – как это может быть важно, чтобы нам не быть полностью в чем-то, не быть полностью захваченными суетой и заботами, когда уже и меня-то нет, а есть только вот эти заботы. Трудно не «быть в», когда надо и то и это, надо думать о деньгах, о детях, о здоровье, о работе, да много о чем еще, и всё это ужасно важно и без

меня пропадет и рухнет однозначно. И ведь это всё может отняться у нас в какой-то момент, в отличие от той благой части, которая не отнимется у Марии.

Не знаю, как вы, а я и помыслить не могу, чтобы что-то из того, о чем я суечусь и переживаю, когда-то исчезло или стало неважно, или ушло из-под моего контроля и стало существовать без моего влияния. Ведь это мои дела, мои проекты, мои друзья и т.д. И может быть, поэтому я так сильно вокруг них суечусь, что себя без них не представляю. Отними у меня это всё «мое», и что останется? Кто я тогда? Если я не преподаватель, не жена, не мать, не дочь, не друг, не хозяйка и т.д., то кто я? Кто я в своей обнаженности перед Богом? И существую ли я вообще в отрыве от того, что «мое», что я «имею»? Что в сухом остатке? Тяжелые вопросы, и мне о них думать не хочется, потому что трудно...

Марфа ведет себя, как бы мы сегодня сказали, без комплексов: прямо обращается к Гостю с жалобой на сестру и просьбой дать ей указание, чтобы та стала помогать, а не сидела без дела. Не обращается к Марии, а идет к третьему лицу, что само по себе не очень-то здорово. Интересно, что Господь не говорит ей, мол, что ты жалуешься на родственницу, пойдешь с ней сама разберись и что-то еще в этом духе, что было бы очень понятно в такой ситуации. Ну, я бы так сказала, наверно, на Его месте. Он обращается к ней лично и говорит о главном, то есть показывает ей правильную иерархию приоритетов.

А что Мария? «Сев у ног Господа, слушала слово Его». И всё. Больше ничего не делала. Странная такая... Ленивая? Нехозяйственная? Равнодушная? Возможно, Марфа подозревает ее в этом, и это тоже вполне понятно. Пришли гости, а она села и всё тут. Не заботится о ближнем – о своей сестре, не помогает. Не переживает, что о ней подумают, не старается хотя бы для приличия вести себя иначе. Не совсем нормальная какая-то. И как это важно нам иногда просто ничего не делать. Просто замолчать, сесть и слушать, как советовал владыка Антоний одной своей прихожанке. Просто позволить себе быть, а не действовать. Быть, а не суетиться. Слушать, а не тараторить. Сесть и замолчать, понимая, кто я и кто Ты...

Марина Филоник